

КИНО

Кадр из фильма, подвергшийся цензуре. В Москве актрису Еву Грин можно увидеть с голой грудью.

Бертолуччи на съемочной площадке "Мечтателей".

Мастро отвечал на вопросы легко и просто и, увлекшись разговором, сам начал их задавать. Сначала он поинтересовался, какой партии принадлежит наша газета, и долго отказывался верить, что никакой. Потом неожиданно перешел на личное: а сколько вам лет и вообще... Но корр. "МК" вернул его к "Мечтателям":

— Ради какой идеи вы пошли бы сейчас на баррикады?

— Я не думаю, что в баррикадах сейчас есть необходимость. Что молодежи сейчас действительно нужно — быть способным мечтать, быть идеалистом. Это очень важно сегодня, и это очень сложно именно сегодня, потому весь мир стал антиидеалистическим. Возможно, в 60-е мы были слишком идеалистичны, слишком много мечтали. А сегодня молодежь даже представления не имеет о том, что такое идеализм. И это плохо. Потому что сейчас такое время, когда ты просто обязан быть идеалистом. Вы знаете, что я говорю молодым людям? В 1968-м мы ложились спать ночью и верили, что проснемся в будущем, а не завтра утром. Что такое будущее? Быть способным мечтать, чтобы иметь возможность изменить мир. Мечтать для того, чтобы стать частью перемен, быть вовлеченным в перемены. Я думаю, что многие перемены произошли именно тогда, в 68-м. Особенно то, что касается человеческих отношений, отношений между мужчиной и женщиной. Сейчас все не так, очень большая свобода в отношениях. Когда люди говорят мне, что 60-е были ошибкой, я очень расстраиваюсь, потому что это не так. Наша жизнь совершенно изменилась благодаря 60-м. Это не было ошибкой, это было успехом.

— Вы становитесь старше, а ваши герои — моложе, но вы их хорошо понимаете. Как так получается?

— Понятия не имею. (Смеется.) Вы говорите о числах, возрасте. Но ведь время — всего лишь дата, условность. Время существует на вашем лице, вашей коже. Я думаю, что способность человека к созиданию гораздо лучше определяет его возраст.

— Один из ваших героев зачитывал цитату из "Кайе дю синема", где говорилось, что режиссер — это преступник. Вы сами так считаете?

— Да, он читал: режиссер — это вуайерист. Его занятие можно сравнить с тем, как

РЕЖИССЕР-

ПРЕСТУПНИК

маленький ребенок подглядывает в спальне за родителями. Он понимает, что делает что-то плохое, но не может остановиться. Это то, что Фрейд назвал первородным грехом. Камера превращает человека в вуайериста, режиссер становится преступником, пытается увидеть то, что запрещено. Заглянуть туда, куда не принято заглядывать. Но, если вы заметили, Мэтью читает это с иронией. Хотя, конечно, эти слова в некотором смысле и обо мне. В 70-е, во время съемок "Последнего танго в Париже", я был в такой ситуации. Я оказался в тюрьме, 2 месяца провел в камере с обычными подозреваемыми. Мое занятие сделало из меня преступника. Но если не относиться к этому с определенной долей иронии...

— Раз вы заговорили о "Последнем танго в Париже"... Как вы считаете, эта история возможна сейчас?

— Она всегда возможна. Там ведь все очень просто. Мужчина и женщина случайно знакомятся, испытывают влечение друг к другу, занимаются любовью и решают встречаться

снова и снова, точно так же, как в первый раз. Не зная имени друг друга — ничего друг о друге — это очень романтическая идея. Но тогда она не сработала, не сработает и сегодня. Это была всего лишь попытка отношений.

— А вы знаете, что этот фильм в СССР приравнивался к порно?

— Да, но то же самое было и в Италии, поэтому меня это несколько не удивляет. Сейчас такого не было бы. Но я точно знаю, что ваши политические деятели — в советском посольстве, например, — все видели этот фильм.

— Как вы относитесь к тому, что ваш фильм был подвергнут цензуре в США?

— Не было цензуры. Его было решено перемонтировать немного, но потом просто ввели возрастные ограничения — до 17 лет. И не стали ничего вырезать или перемонтировать. А в России он перемонтирован?

— Говорят, что нет. Правда, в Интернете на одной фотографии из фильма Изабель показана одетой, а в фильме она раздета. Это не цензура?

— Нет, это просто фото. И не значит, что в фильме есть то же самое.

— А дубляж — это та же цензура?

— Дубляж — это позор. Я живу в стране, где дублируются все фильмы, выходящие на экраны. Но последние двадцать лет у меня есть возможность смотреть фильмы на ори-

гинальном языке с субтитрами. Думаю, что сделать несколько таких копий несложно. Надеюсь, есть копии "Мечтателей" с субтитрами и в России. Когда смотришь дублированный фильм, видишь нечто, близкое к оригиналу, но не сам оригинал. Нельзя абсолютно точно повторить голосовые эффекты. А иногда бывает, что актер дубляжа говорит слишком быстро... Позор...

— В фильме герой-американец бросает друзей на баррикадах и уходит...

— Мне хотелось показать, что в 1968 году в Париже было очень много молодых американцев. Это было время, когда шла война во Вьетнаме, и многие американцы были пацифистами. А в Париже они оказались на баррикадах — опять на войне. А сейчас посмотрите: американцы идут на войну, а французы остаются в стороне — все поменялось.

— Как вы считаете, кино должно отражать жизнь?

— Кино всегда должно брать начало от жизни. Любой вид искусства начинается от жизни и отражает жизнь, но потом должно начинаться что-то другое. И если быть абсолютным авангардистом в этом смысле, забыть про жизнь, то можно вообще потерять способность отражать что-либо. Вы знаете, был такой сценарист в Италии, написавший "Похитители велосипедов", Чезаре Заваттини, так он говорил, что если медленно произносить "а-ван-гард", то к концу получится "ретро-град".

Маша ДАВТЯН.